

Зедделер Логгин Логгинович

**Пехота, артиллерия и
кавалерия в бою и вне боя в
Германо-французской войне
1870-1871 годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л69

Л69 **Логгин Логгинович З.**
Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в Германско-французской войне
1870-1871 годов / Зедделер Логгин Логгинович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 86 с.

ISBN 978-5-519-85964-6

Три беседы флигель-адъютанта Зедделера в Академии Генштаба

ISBN 978-5-519-85964-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отечества, необходимо еще, въ мирное время такъ, подготовить всѣ государственныя учрежденія, чтобы они считали *дѣло арміи общими дѣломъ страны*. Въ этомъ и встрѣчаемъ столь блестящій примѣръ въ Пруссіи.

Возвысить военное дѣло въ общемъ государственномъ строѣ, пруссаки столь же правильно поставили и войска въ средѣ другихъ военныя учрежденій.

Строевая служба поставлена выше прочихъ, въ томъ сознаніи, что труднѣйшее дѣло военнаго ремесла есть бой, а какъ въ огнѣ дѣло рѣшаютъ не хозяйственныя и административныя учрежденія, но войска, то въ нихъ и должны заключаться, какъ сказано, лучшія силы и качества.

Эта неопровержимая истина не осталась въ Пруссіи *теоріею*; напротивъ, она *ополнъ призвана къ жизни*. Повышенія возможны тамъ преимущественно служащимъ въ строю и при войскахъ; *ни ученость, ни особенныя теоретическія и техническія познанія не освобождаютъ офицера отъ возвращенія въ войска для дальнѣйшаго повышенія въ чинъ*. Исходя изъ того убѣжденія, что познанія должны идти рука объ руку съ практикою, въ Пруссіи постоянно стремится къ тому, чтобы офицеры съ теоретическою подготовкою *не чуждались строя, а служили бы въ немъ*. Потому, все что носитъ *эполеты составляетъ неотъемлемую собственность арміи*, и ежели встрѣчаются офицеры въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ другихъ военно-административныхъ, даже войсковыхъ учрежденіяхъ, то лишь потому, что армія *оремменно уступила* ихъ этимъ учрежденіямъ; со словомъ же *«мобилизація» все возвращается въ войска*. Впрочемъ, чтобы возвратиться въ строй не нужно и войны, ибо поручикъ или капитанъ, воспитывающій или преподающій, напримѣръ, въ учебномъ заведеніи, не иначе производится въ слѣдующій чинъ, какъ пробывъ извѣстное время въ строю. Этими мѣрами достигли въ Пруссіи того, что строевая служба, какъ я уже сказалъ, стоитъ выше другихъ, и войска въ состояніи удерживать въ рядахъ своихъ тѣхъ, которые, при иной постановкѣ, *искали бы болѣе прибыльной и спокойной службы*.

Чтобы не отклониться отъ программы, я не стану останавливаться на организаціи арміи, въ которой сдѣлано *все для войны и лишь крайнее необходимое для мирнаго времени*, на дисциплинѣ, чинопочитаціи, стоящихъ такъ высоко въ Пруссіи; на подготовкѣ къ войнѣ; наконецъ на той громадной работѣ, къ которой приступило военное министерство на основаніяхъ опыта 1866 года. Во-

просы эти, въ виду ихъ значенія, быть можетъ послужатъ позднѣе предметомъ особаго моего изслѣдованія; теперь же прямо перехожу къ указанной мнѣ программѣ. При этомъ прошу не ожидать ничего либо *теоретическаго трактата*: то будетъ лишь *безискусственный*, но *правдивый рассказъ* о томъ, что случилось мнѣ *видѣть* и *слышать* о пѣхотѣ, артилеріи и кавалеріи въ бою и внѣ боя въ минувшей герmano-французской войнѣ.

I.

ПѢХОТА.

Если неожиданное объявление войны застало прусскую военную организацию почти въ идеальной готовности, то, въ отношеніи вооруженія пѣхоты и строевого устава, ея, армія была все, таки застигнута почти врасплохъ.

Заслуги, оказанныя игольчатымъ оружіемъ въ 1866 году, были такъ велики, довѣріе къ нему начальства и нижнихъ чиновъ такъ сильно, что военное министерство, разсмотрѣвшее и измѣнившее на основаніи опытовъ войны, почти все отрасли военного управленія, не коснулось ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Только позднѣе, когда стали поступать донесенія изъ Парижа о несомнѣнныхъ выгодахъ введеннаго тамъ ружья системы Шаспо, задались вопросомъ; не требуетъ ли и ружье Дрейзе пѣхотнаго усовершенствованія. Многіе, не довѣряя превосходству французскаго оружія, въ особенности при употребленіи его на войнѣ, отрицали эту необходимость, считая, что прусское оружіе отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ хорошаго огня на близкомъ разстояніи, который есть основаніе боевой стрѣлбы; другіе, считали необходимымъ оставить игольчатое ружье единственнымъ вооруженіемъ пѣхоты, признавали однако желательнымъ нѣсколько измѣнить его въ томъ отношеніи, чтобы придать большую начальную скорость и цѣлительность полету пули.

Послѣ долгихъ опытовъ и обсужденій, военное министерство также склонилось на послѣднее мнѣніе и положило перевооружить армію, а временно передѣлать ружья прежней конструкціи. Къ работѣ этой намѣревались приступить осенью 1870 года. Въ такомъ положеніи находился вопросъ ко времени объявленія войны.

Извѣстно уже, что первая встрѣча враждующихъ сторонъ выказала значительное превосходство французскаго огнестрѣльнаго оружія надъ прускимъ; независимо скорости стрѣльбы, самый полетъ пули имѣетъ несравненно большую настильность и дальность.

Испытывавшій французское ружье, вѣроятно, убѣдился, что трудно привыкаться изъ него даже чѣмъ на 900 шаговъ; чтобы поражать на большее разстояніе, приходится спускать прикладъ даже къ полю, что французы и дѣлали при дальней и учащенной стрѣльбѣ. Некоторые плѣнные офицеры увѣрили меня, что въ ихъ арміи не открываютъ огонь далѣе 900 шаговъ, но это не справедливо; напротивъ, многими примѣрами можно доказать, что пальба производилась, въ особенности противъ сомкнутой части или артиллеріи, на разстояніи 1,500 до 1,800 шаговъ. Приведу для доказательства лишь гравелотское сраженіе: французская армія занимала высоты, или, правильнѣе, возвышенное плато впереди селеній Сенъ-Прива, Аманвилле, Шатель и Розеріель; отъ францы этого плато находится въ разстояніи 1,500 и 1,800 шаговъ отъ Ронкура, Сенъ Мари-о-Шепъ, Хабонвиля, Верневиля и отъ лѣсовъ Жениво и Во. Лишь только части XII, гвардейскаго, IX, VIII и VII корпусовъ стали выходить изъ низменныхъ селеній и лѣса, какъ были встрѣчены огнемъ картечинъ, а въ особенности ружейнымъ и понесли немедленно столь чувствительный уронъ, что не могли продолжать наступленія пока артиллерія не принудила французовъ отойти назадъ. Еще доказательство: одинъ батареинный командиръ IX корпуса, стрѣлявшій успѣшно въ теченіе 1½ часовъ съ одной и той же позиціи, замѣтивъ приближавшагося непріятеля, немедленно приказалъ взять прицѣлъ на 2,000 шаговъ, и въ ту же минуту былъ легко раненъ въ руку. Примѣры эти—одинъ общій, другой частный—достаточны для подтвержденія, того, что дальность пораженія ружья шасно доходитъ до 1,800, а дѣйствительность его уже значительна на 1,300 шаговъ, даже 1,500 шаговъ.

Игольчатое ружье не могло бороться на дальнихъ дистанціяхъ не только противъ пѣхотнаго французскаго ружья, но даже противъ кавалерійскаго карабина, достигаемость котораго также доходитъ до 800 шаговъ, тогда какъ прусское ружье бьетъ вѣрно не далѣе 300—400 шаговъ. Въ началѣ обложенія Меца, прускимъ пѣхотнымъ аванпостамъ приходилось не только видѣть непріятельскихъ кавалеристовъ, развѣзжавшихъ безнаказанно впереди своей линіи, но даже слышать полетъ ихъ пуль, въ то время, какъ сами, по дальности, не могли стрѣлять. Позднѣе вооружили аванпостную цѣпь французскими шасно и кавалерійскіе развѣзды уже не рѣшались показываться.

Изъ сказаннаго видно, что одна сторона могла поражать на разстояніи отъ 800 до 1800 шаговъ, въ то время какъ достигаемость ружей другой стороны не превышала 400 шаговъ; карабина же вовсе нельзя было принимать въ расчетъ. При этомъ, однако, надо замѣтить, что на близкомъ разстояніи игольчатое ружье превосходило французское, въ особенности въ рукахъ прусаковъ, которые, въ отношеніи подготовки въ стрѣлковомъ дѣлѣ, стояли выше французовъ. Они стрѣляли вѣрно, спокойно и разумно, рѣдко забывая прицѣливаться и открывал огонь лишь на близкихъ дистанціяхъ. Масса французскихъ войскъ стрѣляла плохо; располагаясь за какимъ либо мѣстнымъ или искусственнымъ прикрытіемъ, они, не рѣдко, повсе не прицѣливались, а подпавъ ружье примѣрно на 45°, производили изъ-за своего закрытія немолкаемую пальбу, вследствие чего стрѣлили слишкомъ высоко. Наибольшая дѣйствительность ихъ огня была на дальнемъ разстояніи; въ этомъ не только убѣдились войска по опыту, но и каждый осматривавшій поля сраженія, такъ какъ самое большое число пуль можно было всегда почти находить на разстояніи 1300 и 1500 шаговъ предъ закрытіемъ; напротивъ между этимъ мѣстомъ и самыми закрытіями таковыя встрѣчались гораздо рѣже. Въ подтвержденіе такого предположенія можно привести также потери гвардейскаго корпуса при штурмѣ Сенъ-Прива: изъ числа 7,785 нижнихъ чиновъ, составляющихъ общую потерю, большая часть пала именно въ разстояніи 1300—1600 шагахъ отъ селенія; наименьшая же убыль была во время часового лежанія въ виду Сенъ-Прива, на разстояніи до 600 шаговъ.

Германцы, ознакомивъ съ такою стрѣльбою, старались ближе подходить къ непріятелю, чтобы меньше терять отъ его огня.

Небрежною и невнимательною стрѣльбою, равно большимъ разстояніемъ, съ котораго французы обыкновенно открывали пальбу, объясняется малая дѣйствительность ихъ огня, въ сравненіи съ количествомъ выпущавшихся пуль. Французскіе офицеры говорили мнѣ, что подъ Гравелотой большинство нижнихъ чиновъ разстрѣляло свои 100 патроновъ и взятые у рапелыхъ и убитыхъ; кромѣ того артиллерія и картечницы дѣйствовали немолкаемо, такъ сказать осыпая германцевъ снарядами. Не смотря на то, потеря ихъ не превышала 20,000 изъ приблизительно 150,000, бывшихъ въ огнѣ съ 12 часовъ утра до 10-го часа вечера.

Расчетъ этотъ вѣренъ, впрочемъ, только въ отношеніи общаго числа участвовавшихъ въ битвѣ, и выражаетъ, что въ теченіе ожесточенной борьбы, продолжавшейся девять часовъ, выбыть изъ строл

1 изъ 13¹/₂ человекъ. На выводъ этомъ нельзя однако основать заключенія о дѣйствительномъ количествѣ потери при теперешнихъ средствахъ пораженія: необходимо принять во вниманіе, при какихъ условіяхъ и на какой мѣстности находились войска. Такъ, IX корпусъ простоялъ въ огнѣ девять часовъ, но, прикрываемый селеніемъ Верневилъ и лѣсами Куссъ и Жениво, потерялъ 120 офицеровъ и 2,340 нижнихъ чиновъ; VIII корпусъ, вступившій въ дѣло поздиѣ, по производившій нѣсколько разъ наступленіе къ Москѣ, потерялъ 189 офицеровъ и 3,220 рядовыхъ; гвардейскій корпусъ, въ какіе нибудь два часа времени, дѣйствуя на совершенно открытой мѣстности, лишился 315 офицеровъ и 7,785 рядовыхъ, т. е. третьяго человека; гвардейскій стрѣлковый баталіонъ при штурмѣ Аманвилъ потерялъ въ полчаса всѣхъ почти офицеровъ и 442 нижнихъ чиновъ, т. е. болѣе половины своего состава. Тоже было и съ 6-мъ полкомъ подъ Марсъ-Латуромъ, при атакѣ по направленію Брупвилъ. Во второмъ періодѣ войны, вслѣдствіе малой подготовки къ стрѣльбѣ вновь набранныхъ войскъ, и когда германцы уже не шли впередъ ранѣе продолжительной работы артилеріи и болѣе или менѣе значительнаго разстройства непріятельской пѣхоты, потери были несравненно меньшія: въ сраженіи 3-го и 4-го декабря, послѣдствіемъ коего было занятіе Орлеана, общая потеря II арміи и отдѣльнаго корпуса великаго герцога Мекленбургскаго не превышала 1,300 человекъ. Во время 12-дневныхъ дѣйствій противъ арміи Шапзи и взятія Ле—Манса, тѣ же войска, изъ числа 57,737 пѣхоты и 15,426 кавалеріи, потеряли 180 офицеровъ и 3,470 нижнихъ чиновъ. Въ сраженіи при Монбельярѣ, рѣшившемъ судьбу арміи Бурбаки, генераль Вердеръ, изъ 43,000 человекъ потерялъ 81 офицера и 1,847 нижнихъ чиновъ, слѣдовательно лишь на 500 нижнихъ чиновъ болѣе чѣмъ потерялъ одинъ 16-й полкъ 16-го августа.

Тутъ небезынтересно будетъ привести нѣсколько данныхъ относительно количества зарядовъ и снарядовъ, расходовавшихся германскими войсками: XII (*) (саксонскій) корпусъ израсходовалъ во все время войны 6 миліоновъ патроновъ, изъ нихъ при атакѣ Сенъ-Прива, 18-го августа, 1,150,000 патроновъ; въ трехдневномъ сраженіи при Нуарѣ, Бомонѣ и Седанѣ 1,600,000 патроновъ. Артилерія выпустила 15,521 снарядъ, что на 96 орудій корпуса приходится до 151 снаряда. Въ Сенъ-Прива сдѣлано было 2,235 выстрѣловъ, Седанѣ 7,314, Бомонѣ 1,426 выстрѣловъ. Гвардейская артилерія выпустила: при Сенъ-Прива 9,000 снарядовъ, т. е. по 100 на орудіе; при Седанѣ 5,300, т. е. около 60 на орудіе, по отдѣльнымъ

(*) Заимствованно изъ печатныхъ свѣдѣній.

батареи въ обѣихъ битвахъ выпустили до 200 снарядовъ на орудіе. Тотъ же большой расходъ снарядовъ замѣчается и во второмъ періодѣ кампаніи: такъ 22-я дивизія въ дѣлѣ 2-го декабря, у Артене, сдѣлала до 5,000 выстрѣловъ изъ 36 орудій, съ двухъ до семи часовъ вечера.

Какъ видно, количество расходовавшихся зарядовъ и снарядовъ было весьма значительно, особенно припавъ во вниманіе численность войскъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, и продолжительность боя.

Напримѣръ, 18-го августа, саксонцы, посланные въ Ронкуръ для обхода праваго фланга французовъ и содѣйствія штурму Сентъ-Прива, прибыли на мѣсто, а за тѣмъ вступили въ бой только около 6½ часовъ вечера, огонь же послѣ занятія Сентъ-Прива, прекратился къ девяти часамъ: слѣдовательно 1,150,000 патроновъ израсходовано въ теченіе 2½ часовъ; въ штурмѣ участвовало едва ли болѣе 20,000 человекъ, потому, на каждого приходится болѣе 57 патроновъ. Гвардейская артиллерія стала обстрѣливать Сентъ-Прива около трехъ часовъ и прекратила огонь послѣ восьми, выпустивъ 9,000 снарядовъ въ пять часовъ времени.

Надобно замѣтить, однако, что не все показанное число патроновъ было выпущено; я видѣлъ большое число не только отдѣльных патроновъ, но цѣлыя связки ихъ лежавшія на землѣ. Количество брошенныхъ патроновъ было особенно велико у французовъ.

Если большинство французовъ стрѣляло плохо, то въ рядахъ ихъ арміи должны были все-таки находиться отличные стрѣлки, выбиравшіе свои жертвы на-вѣрняка; ипаче трудно объяснить причину несоразмѣрно большаго числа офицеровъ, въ сравненіи съ нижними чинами, погибавшихъ почти въ каждомъ дѣлѣ. Подъ Вейсенбургомъ на каждые восемь человекъ выбитыхъ изъ строя приходится одинъ офицеръ; при Вертѣ отношеніе убыли между офицерами и нижними чинами было какъ 1:20; подъ Марсъ-ла-Туромъ и Гравелотой какъ 1:18 или 19. Въ 16-мъ полку и въ гвардейскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ всѣ офицеры были или убиты или ранены. Впрочемъ, надобно сказать правду: офицеры не щадили себя, въ особенности въ началѣ войны; повсюду и всегда они были впереди; когда нижними чинами приказывали ложиться, они рѣдко сами исполнили это требованіе; многіе изъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, въ районѣ весьма дѣйствительнаго огня, не слѣзали съ лошадей и т. д. Такое постоянное нахожденіе впереди, дѣлалъ честь самоотверженію германскихъ офицеровъ, не можетъ, по моему мнѣнію, быть поощряемо. Офицеръ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ и обращать вниманіе не только на непріятеля, но и на свою часть. Извѣстно,

что, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, значительное число выбывающихъ людей выпадаетъ на долю уходящихъ съ поля сраженій подъ разными предлогами. Пока находящійся въ огнѣ чувствуетъ, что начальникъ обращаетъ на него вниманіе, онъ и дѣйствуетъ храбрѣе, и съ большею готовностью подчиняется обстановкѣ, сопровождающей серьезный бой; но съ приближеніемъ опасности и смерти обычный порядокъ измѣняется: начальникъ направляетъ свое исключительное вниманіе на непріятеля; войска спѣшатъ ему навстрѣчу; солдатъ видѣть впереди смерть, а близь себя удобное закрытіе, и исчезаетъ въ немъ; слѣдующія за тѣмъ войска принимаютъ его за раненаго; потомъ, ежели онъ почестивѣе, то старается быть полезнымъ въ сферы огня, подбираетъ раненыхъ, сопровождаетъ плѣнныхъ и т. д. Менѣе честный обращается въ мародера. Вотъ обстоятельства, объясняющія значительное уменьшеніе рядовъ въ частяхъ, находящихся въ серьезномъ огнѣ, и увеличеніе ихъ на слѣдующій день, и побуждающія меня думать, что офицеры должны оставаться на своихъ мѣстахъ и наблюдать за своею частью, препятствуя самовольному оставленію рядовъ. Въ этомъ отношеніи, замыкающіе офицеры не должны забывать своего важнаго назначенія. Въ германской кавалеріи существуетъ весьма разумное правило, чтобы штабъ-офицеры, за исключеніемъ командира полка, находились за фронтомъ при всѣхъ построеніяхъ и движеніяхъ.

Что касается самаго способа производства стрѣльбы, то германцы рѣшительно *предпочитали ближій огонь*; *употребленіе залпа составляетъ исключеніе*, и ежели случалось его примѣненіе, то только при оборонѣ за траншеями и другими естественными закрытіями; предпочтеніе это основано, главнымъ образомъ, на неодолимой трудности исполненія условій, которыхъ требуетъ этотъ огонь, и потери, которымъ подвергаются части, смыкающіяся для производства залповъ. Огонь обыкновенно не выходилъ изъ рукъ начальниковъ, хотя конечно не безъ исключенія. Французы также крайне рѣдко употребляли залпы, и то съ большого разстоянія; стрѣльба ихъ казалась мнѣ всегда своеобразною, неровною, весьма учащенною. Вообще, сколько я могъ замѣтить, они употребляли двоякій способъ нальбы: до рѣшительнаго наступленія противника или его атаки: они цѣлились и огонь ихъ былъ дисциплинированнѣе, но затѣмъ всѣ заботились лишь объ одномъ: выпустить возможно-большее число пуль, осыпая непріятеля, такъ сказать, свинцовымъ дождемъ. Едва ли было бы вполне справедливо отрицать подобный образъ дѣйствій, на основаніи котораго извѣстное пространство позиціи дѣлается невозмож-

нымъ для доступа противника. Дѣйствительно, идти впередъ противъ града пуль, при оглушительномъ свистѣ, шелканьи пуль, трескотнѣ картечицъ, раскатѣ пушечныхъ выстрѣловъ, въ виду ежеминутно падающихъ жертвъ—болѣе чѣмъ трудно.

Тутъ мало одной храбрости, тутъ необходима *дисциплина непоколебимая, личный примѣръ и то высокое нравственное вліяніе, которое упрочилось за офицерами*. Случалось, что и германцамъ недоставало рѣшимости выдерживать подобный адскій огонь: по въ эти критическія минуты выказывалось все значеніе офицеровъ: они увлекали за собою личнымъ, неустрашимымъ примѣромъ; если же это оказалось бы недостаточнымъ, то офицеръ не задумается прибѣгнуть къ самому энергическому средству. Мнѣ приводили даже случаи угрозы употребленія собственнаго револьвера для спасенія чести германскаго оружія. Упоминаю объ этомъ, чтобы рельефнѣе очертить высокое значеніе офицеровъ, не признающихъ преградъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ исполненіи своего долга. Французскіе офицеры не обладали такимъ вліяніемъ на своихъ нижнихъ чиновъ: въ бытность мою въ Парижѣ, во время перемирія, они заявляли мнѣ, что не только не могутъ наказывать солдата, но и сказать ему даже крѣпкаго слова. Неминуемое слѣдствіе такого положенія поистинѣ для каждаго видѣвшаго бой. Турское правительство, видя безсиліе офицеровъ, принуждено было принять отъ себя энергическія мѣры для побужденія солдатъ къ безпрекословному повиновенію и исполненію долга чести на полѣ сраженія. Изъ сочиненія генерала Шанзи извѣстно назначенію, которое имѣли по сему предмету военные жандармы, сформированныя Гамбеттою.

Въ Пруссіи существуетъ правило, чтобы въ темнотѣ избѣгать стрѣльбы, а работать только штыкомъ. Какъ основательно такое правило и въ какое затруднительное положеніе попадаютъ иногда войска его неисполняющія, можетъ послужить слѣдующій эпизодъ гравелотскаго сраженія.

II-й корпусъ, имѣя впереди всю артилерію и 3-ю дивизію, прибылъ въ пять часовъ вечера къ Резонвилю; чрезъ полчаса послѣдовало королевское повелѣніе двинуться ему впередъ для принятія отступавшихъ частей VIII-го корпуса и штурма впереди-лежащихъ высотъ, съ которыхъ, не смотря на усилія VII-го и VIII-го корпусовъ въ теченіе цѣлаго дня, еще не удалось отбросить французовъ. Чтобы исполнить это порученіе, войскамъ предстояло пройти пять верстъ; и уже начало темнѣть, когда баталіоны 3-й дивизіи, слѣдуя густыми колоннами одинъ за другимъ, стали спускаться по единственной дорогѣ

въ глубокой оврагъ, отдѣлявшій германскую позицію отъ непрі-
тельской. Французы, находясь на возвышеніи, вѣроятно хорошо ви-
дѣли приближавшуюся массу войскъ, и потому, не покидая своихъ
мѣстъ, открыли до того сильный огонь изъ орудій, митральезъ и
ружей, что онъ показался мнѣ тогда какимъ-то неистовымъ ревомъ,
соединеннымъ съ заключительнымъ актомъ блистательнаго фейерверка.
Будь посвѣтлѣе, II-й корпусъ вѣроятно потерпѣлъ бы несравненно
большій уронъ (онъ лишился тутъ 58 офицеровъ и 1,278 нижнихъ
чиновъ). Темнота, однако, въ свою очередь значительно затруднила его
наступление и дѣйствіе, такъ какъ именно въ это время онъ стол-
кнулся съ нѣкоторыми частями VIII-го корпуса, уходившими назадъ
и отъѣзжавшими орудіями 1-й кавалерійской дивизіи, употребленной
такъ неудачно генераломъ Штейнмецомъ. Произошла остановка; нѣ-
которые кричали «впередъ», другіе «назадъ», «приказано отступать!»
Замѣшательство усилилось еще болѣе, когда кромѣ непріятельскихъ
снарядовъ, въ стѣснившіяся массы стали попадать, по недоразумѣнію,
выстрѣлы VIII-го корпуса, находившагося справа и слѣва дороги.
При полной почти темнотѣ, рѣшительно нельзя было разобрать въ
чемъ дѣло; многіе офицеры и нижніе чины, слѣдовавшіе по правую
сторону дороги, во время давки и смятенія были сброшены въ оврагъ.
Генераль Франсеки, находясь, со своимъ штабомъ, уже по ту сторо-
ну оврага, у селенія С. Ибера, окруженный густою толпою, искавшею
прикрытія отъ выстрѣловъ, падавшихъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ,
чтобы добиться какого-либо порядка, въ эту критическую минуту
протрубить «отбой»; горнисты немедленно подхватили сигналъ, по-
вторили его безостановочно. И дѣйствительно, вскорѣ огонь умолкъ.
Небывшіе впереди и не знавшіе потому о положеніи II-го корпуса,
не понимали причину сигнала «отбой» и прекратили вслѣдъ за
тѣмъ пальбы; въ такомъ же недоумѣніи находились вѣроятно и
французы, ибо и они перестали стрѣлять. Начальство воспользо-
валось этимъ временемъ для приведенія частей въ порядокъ и опять
повело ихъ впередъ; но только что показались прусаки на высотѣ,
какъ огонь возобновился съ новою силою и неоднократно подава-
вшіеся сигналы уже не могли вполнѣ остановить его. При подобной
обстановкѣ, нельзя было выбить французовъ изъ ихъ позицій, а
пришлось довольствоваться занятіемъ оврага, занимавшагося
прежде VIII-мъ корпусомъ.